

К 20-летию Советской Клайпеды

ГОРОД ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

ОНИ У НАС НАЧИНАЛИ

Казис Сая — молодой советский литовский драматург и писатель. Дебютировав в 1954 году в Клайпедском драмтеатре комедией «Пари», Сая больше не выпускал пера из рук. Одна за другой увидели свет драмы в Клайпедской комедии «Семь козых шкур», в Вильнюсе — пьеса «Тревога», снова в Клайпедской — «Петушинные шпоры» и др.

Перу К. Саи принадлежат также книжка для детей «Клумпы», сатирическая повесть «Юргис на крыше», в Паланге и других местах», сборники рассказов.

Печатаем сегодня написанную для «Советской Клайпеды» статью К. Саи.

Клайпеда запомнилась мне двадцать лет назад — вместе с непрерывным гулом канонады. Это название упоминали одетые в длинные шубы солдаты, которые с песней шагали по дороге через нашу деревню.

Пушки умолкли.

Потом из наволочки — полотноной, толстой — я сделал вещмешок, обул огромные солдатские сапоги и уехал в Клайпеду учиться.

Мне было шестнадцать. Освобожденному городу — три. Наготу развалин прикрывали бесконечные высокие заборы, выложенные из опаленного пожарами кирпича. Я с завистью смотрел на нарядных курсантов мореходного училища, которые, по-моему, были самыми счастливыми в мире ребятами. А мне надо было от станции сворачивать налево — мимо фанерного завода, по грязному шоссе в бывшее поместье Бахмана. Там обосновался Клайпедский сельскохозяйственный техникум.

Клайпеда стала городом моей юности. Здесь я встретил множество чудесных людей, перед которыми я в долгу и о которых хочется хоть вкратце рассказать.

Представьте себе толпу прошедших огонь, воду и медные трубы учащихся техникума сорок восьмого года. Я — еще подросток, другим уже перевалило за тридцать... Одни учились в гимназии, другие закончили сельскую двухлетку, третьи обучались ремеслу в Тельшяй. И те самые науки за войну повывлетали из голов, и если бы не Советская власть, то вряд ли эти люди смогли бы продолжать учебу. Некоторые учащиеся уже полысели, некоторым девицам уже пора бы выходить замуж, но новая жизнь, новые надежды привели их сюда.

Трудно без улыбки вспомнить ту так называемую учебную базу... Окна бывшего поместья большие, а стекла нет. Ветры в Клайпедке сильные — глядишь, и опустился в аудитории на стол какой-нибудь высохший лист. Прямо из пожелевшего парка... Учебников нет, общежитий не хватает. Всего недостает. Но когда есть добрые намерения, это все по-немножку появляется.

Низко кланяюсь ветеранам техникума — преподавателям Шервигите и Венслове. За их требовательность к себе и к нам. За то, что их предметы усвоили и подростки, и зрелые люди. А тогда мы их называли и «топорами», и еще кое-как... «Эй, товарищи! — хочется воскликнуть. — Хотят с опозданием, но мы должны сказать им спасибо». Эти люди толковывали нам не только ботанику и математику. Они приучали нас побеждать свою халатность, не оправдывались и не позволяли нам оправдываться послевоенными трудностями. Они не выпускали брака, так как этим браком были бы мы.

Я стал литератором, но от-

нюдь не считаю, что сельскохозяйственный техникум — это только потерянные годы. Я слушал много разных и мудрых лекций — нужных и ненужных. Одни преподаватели отбарабанивали их, как граммпластинка, и я не замечал взгляда лектора, не чувствовал сердечного тепла и энтузиазма. А другие подошли на ярко разгоревшийся уголь — услышишь, прикоснешься и сам вслыхиваешь. Такое умение зажигать другие сердца, по-моему, самое ценнейшее качество учителя. И не только учителя.

Мне повезло: в жизни и особенно в Клайпедке я встретил много таких замечательных людей. Такими были мои преподаватели Казенас, Станюлис, Айдайте, Чесюлите, Шерелите, ну и, конечно, любимец всех учащихся техникума Людас Альсейка.

Однажды в техникум пришел седобородый, приветливо улыбающийся гость. В те годы много было разных агитаторов. Гость пришел, чтобы попросить нас собирать разные древности и относить в открывающийся Клайпедский краеведческий музей. Что же в этом могло быть необычного? А было. Мы впервые слушали такую удивительную лекцию — о нашем крае, о Клайпедке, о любви к природе.

Никакой духовник, никакой преподаватель и никакой агитатор до тех пор не волновал меня так. Казалось, пришел волшебник, положил на золотую наковальню свое пылающее сердце и стал звонко бить по нему молотом. А искры летели на нас, зажигая в наших глазах огонек очарования и энтузиазма. Если бы музеем понадобились мои развалившиеся сапоги или домотканый пиджачок, из которого я вырос, без колебаний отдал бы их.

Оказывается, главное — не тема лекции, а человек, после общения с которым становится светлее на душе. Хочется так

жить, так чувствовать и так щедро отдавать себя, как он.

Такое первое впечатление произвел на меня хорошо известный клайпедчанам Людас Альсейка. Позднее, когда он преподавал у нас лесоводство и землеустройство, Альсейка часто повторял: «Не спеши с выводами. Рассуди, обдумай самостоятельно». Я обдумал и увидел, что на мою долю выпала большая искра его благородного сердца.

В те времена не каждый преподаватель предлагал ученикам иметь «свою голову». Наверное, ни в одной области науки не было опубликовано столько авторитетных бесмыслиц, как в биологии. А Альсейка требовал, чтобы мы привыкли анализировать, мыслить, делать выводы и отвечать своими словами. Он был против любого трафарета, против рутин и формализма. В то время Альсейке уже шел седьмой десяток, но он был моложе многих молодых.

Не могу по этому поводу не упомянуть и т. Венслове — церемониймейстера и режиссера наших праздников в техникуме. Седая, окруженная толпой вундчат женщина — за какие богатства она жертвовала своими вечерами для репетиций, после которых наверняка болела голова и мучила бессонница! Да за букет страстей, за глиняную статуэтку, за простое сердечное спасибо. И как же после этого в сельскохозяйственном техникуме не родиться драматургу!..

Тем более, что у нас появился другой рыцарь Мельпомены — Адольфас Невераускас. Вначале он работал в техникуме электромонтером, а позже — завхозом. Как же мне было не писать пьес, если этот Невераускас только и говорил о том, где и что он видел на сцене, кого сам играл и где бы тут достать что-нибудь для техникумовской сцены. Короче говоря, этот электромонтер (вот если бы всюду были та-

кие!) окончательно соблазнил меня взяться за перо.

Так вот, уже на последнем курсе я с разбегу написал три кое-какие пьесы. Режиссер Невераускас не был очень прихотливым и все поставил с успехом. С одной из них мы даже гастролировали. На собранные деньги мы, четверокурсники, в последнюю весну совершили экскурсию в Москву.

И как часто случается в жизни, режиссера в это путешествие никто не пригласил...

По окончании техникума передо мной раскрылась перспектива дальше шагать по стезе науки. Перебрался в Каунас. Но полюбившаяся Клайпеда с такой силой манила меня назад, что я, бросив все, вернулся и поступил в Клайпедский учительский институт. Хотел изучать литовский язык и литературу, но не принял. [Видно, никто не знал, что я уже написал три пьесы...]. Поступил я на отделение естествознания и географии.

Шутки шутками, а из одной пьесы, написанной в техникуме, родилось «Пари». Написать эту пьесу мне помог весь курс «натуралистов».

Драмтеатр уже кое-что знал об этих несовершенных вариантах «Пари», но, к сожалению, не проявлял особого интереса. Но мне все удавалось встречать людей, благодаря которым я теперь вспоминаю Клайпеду как родной дом, а не как сени в избе у мачехи.

Директором театра был назначен Б. Юшкявичюс. Тот самый артист, который так смешил нас в оперетте «Вольный ветер» и который иной раз в техникуме заставлял всех с открытыми ртами слушать инженерную антирелигиозную лекцию. Однажды в воскресенье я постучался в дверь квартиры нового директора и в один присест прочитал ему свое многолетнее творение... Вернувшись, сообщил всему курсу радостную новость — моя комедия будет включена в репертуар театра.

Во время репетиций в театре я познакомился еще с одним человеком, который до самой своей кончины был моим старшим братом, другом и учителем. Многие клайпедчане сидели на его уроках, которые были как подарок, как праздник; слушали его лекции, видели его на сцене или играли под его руководством. Все они, наверное, поймут, что я говорю о Наполеоне Бернотасе, художнике с удивительной душой. Он обладал талантом особой любви к людям. Он щедро раздавал им свой неиссякаемый юмор, свои знания, свои часы досуга. Он говорил мне, что величайшее счастье — это

быть необходимым людям, быть любимым людьми.

А как он умел разговаривать с детьми! Как чудесно играл он роль Деда Мороза! Малыши по его глазам и голосу чувствовали, что здесь действительно добрый дедушка — такой добрый, что и в мечтах лучше его не придумаешь. Ну и кружили они вокруг него, как пчелы вокруг меда. И можно было видеть, каким счастливым был в такие моменты Напалис. Раздавать другим радость было его призванием.

Своим он был и для студентов, и для рабочих. Все его приглашали, все спорили из-за него, ибо таких, как он, было немного.

Вильнюсское радио еще до сих пор повторяет сыгранные рабочими чулочной фабрики в постановке Бернотаса пьесу Жемайте «Три любимые» и мой водевиль «Все по доброте сердечной». В 1956 году Н. Бернотас писал мне: «Репетируем еще интенсивнее. Наше твердое решение и большое желание — побывать в Вильнюсе и показать, на что способны наши кузнецы, токари, мастера и формовщики».

В самом деле, столичные зрители были приятно удивлены. И. Балтушис напечатал в журнале «Пергале» статью о чулочниках «Не гасни, огонек, огонек». Однако огонек погас. Года два спустя толпы клайпедчан проводили Н. Бернотаса в последний путь...

В 1954 году во время государственных экзаменов в учительском институте Клайпедский драмтеатр показал премьеру «Пари». Это был самый большой экзамен в моей жизни. И если он удался, то я должен быть благодарен за это большой группе добрых людей, а особенно Наполеону Бернотасу, который создал необычайно яркий образ Доминикаса и помог мне своими советами.

Такой щедрой ко мне была Клайпеда...

Много городов и поселков повидал я — и известных своими историческими памятниками, и чудесными дворцами, и мостами, однако важнейшей чертой города являются люди. Когда они дружелюбно улыбаются, мы говорим — веселый и симпатичный городишко. А когда они хмуры — хмурыми кажутся нам и улицы, и памятники.

Клайпеда — город добрых людей. Те, кто с песней шел освобождать его и не вернулся, отдали Клайпедке свое молодое сердце и песню. По окропленным их кровью улицам не имеют права разгуливать хмурые корыстолюбцы.

К. САЯ.